

«Театральным критиком я обычно себя не называю»

Однако чужаком в театральном мире Виталий Вульф себя не считает

Наталья Ростова

Уже более семи лет на российском телевидении выходит передача «Серебряный шар». Именно благодаря ей телезрители узнали много нового о жизни таких звезд, как Грета Гарбо и Мэрилин Монро, об Анне Ахматовой и Александре Фадееве, Черчилле и де Голле. Ее автор скромно говорит, что долголетие программы объясняется лишь высоким рейтингом. О том, как создаются передачи и отбираются ее герои, рассказывает читателям «НГ» автор переводов более 30 пьес (среди них – произведения Теннесси Уильямса, Сомерсета Моэма и других), бывший профессор Нью-Йоркского университета, историк и театровед Виталий Вульф.

– Виталий Яковлевич, как вы думаете, почему «Серебряный шар» живет уже столько лет?

– Потому что его смотрят. Все же определяется рейтингом... Если бы зрители передачу не смотрели, то она бы и не существовала. Я начинал работать на телевидении десять лет назад. Тогда еще не было ОРТ, было «Останкино», и там я сделал 11 передач. Был период, я делал 9 передач на российском канале. Потом я уехал в Америку преподавать историю русского театра. Когда я вернулся, времена уже были другие, я оказался у Влада Листьева, и он предложил мне делать «Серебряный шар». Первый мой рассказ в этой программе был о замечательном актере Сергее Мартинсо-не, она вышла в сентябре 1994 года.

– Вы не помните, как у вас родилась любовь к театру?

– Еще в детстве. Однако образование я получил юридическое. В силу своего воспитания мои родители считали, что я должен получить классическое образование, а потом лишь заниматься театром. Юридический институт был мне совершенно неинтересен. Хотя, может, что-то это мне и дало – четкость формулировок, на-

верное. Потом была работа – в Институте международного рабочего движения Академии наук СССР. На самом деле правильнее было бы его назвать институтом изучения общественного сознания Запада. Мы имели возможность читать западную прессу, до нас доходило очень много литературы. Там работали очень талантливые, мыслящие люди: крупный философ Мираб Мамардашвили, литератор Самарий Великовский, социолог Николай Новиков, Юрий Замоскин, Ксения Мело, Пиама Гайденко и многие другие. Я и там занимался любимым делом – изучал историю американского театра семидесятых годов. Защищать диссертацию на соискание степени доктора искусствования я не мог, потому что у меня не было базового театрального образования. Потому, защитив диссертацию по истории театра, я стал доктором исторических наук. И потом мне очень повезло, что благодаря Олегу Ефремову, который ввел меня в художественный мир «Современника», я смог увидеть театр изнутри. Однако театральные критики, театральная среда страшно противились тому, чтобы я писал о театре. Даже сейчас в одной из книг Анатолия Смелянского я с удивлением прочел о себе биографическую справку, в которой сказано, что Виталий Вульф – юрист. Это, конечно, очень смешно. Он ведь знает, что вышло шесть книг моих о театре, что я перевел больше 30 пьес. А он пишет, что я юрист, зачем – мне непонятно. В театральном мире я не чужой, но и театральным критиком я обычно себя не называю. Скорее то, что я делаю, определяется как изучение истории театра.

– Как вам кажется, вы смогли бы прожить без телевидения?

– Я предпочитаю никогда не задумываться над тем, что было бы, если... Да, сегодня телевидение отнимает все мое время, составляет суть моей жизни. Ничем, кроме телевидения, я не занимаюсь... А что будет завтра, об этом я не думаю.

«Театральным критиком я обычно себя не называю»

Независимая – 2002 – 18 янв – с 9, 12

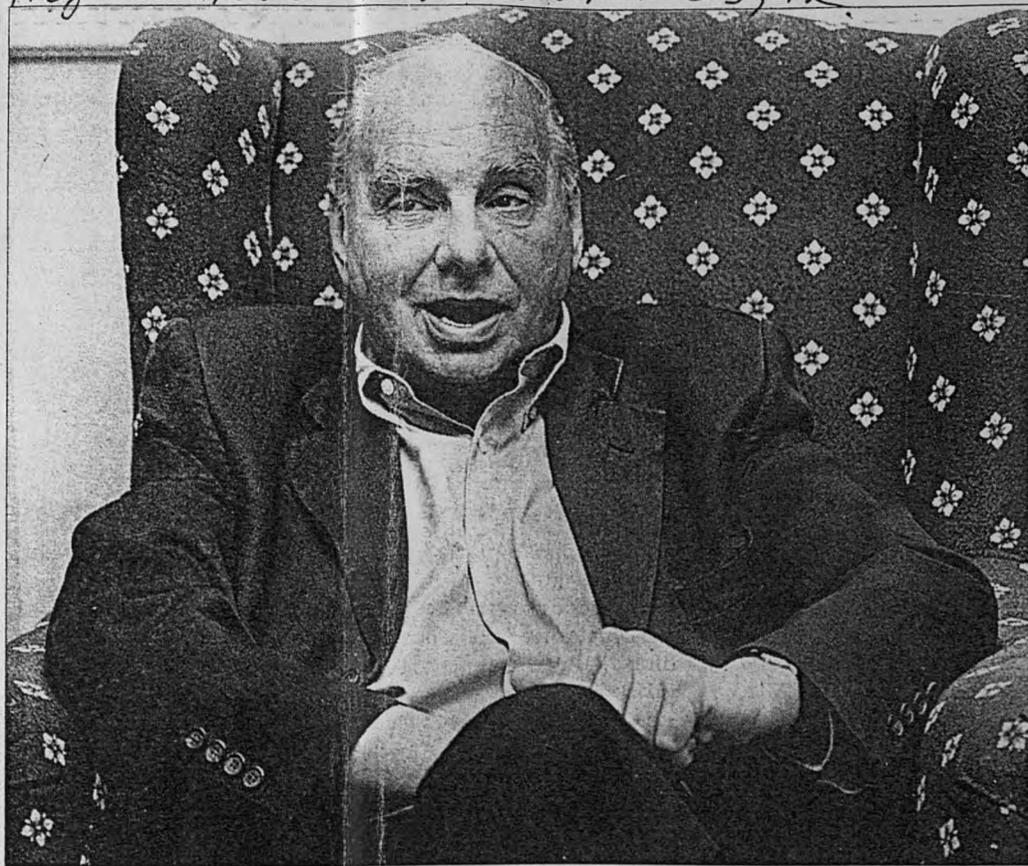
ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 9
– Говорят, что вы работаете без шпаргалок и почти без дублей.

– Да, обычно я для каждой передачи наговариваю часа два, редко когда что-то переговариваю, только когда редактор мой просит. А из этих двух часов в итоге остается всего 35 минут.

– А о ком делать передачи сложнее – о живых или об уже ушедших?

– Это действительно большой вопрос. Делать передачи о ныне живущих тяжело, потому что не всех устраивает некая жесткость моих оценок. Я делал передачу об Алле Демидовой. Она начиналась со слов: «Одни называют Демидову великой актрисой, другие считают, что она холодна и рациональна». Я понял, что это ее обидело, что ей было не все приятно в этой передаче, но Алла Сергеевна – мудрая женщина, она поняла, что это правда. О Ефремове передача была очень жесткой, а он мне первым позвонил и сказал: «Ну, старик, можно на меня, наверное, и так посмотреть». А после передачи о Вале Гафте первым мне позвонил Юрий Григорович, мы с ним дружны, и сказал: «Гафт вам за эту передачу должен сказать спасибо». А Валя после нее не позвонил ни разу... Есть эта сложность в передачах о живущих – люди обижаются... Однако делать сироп мне неинтересно – человеческая жизнь ведь настолько неоднозначна...

В повествовании об умерших существует другая сложность. Я с осторожностью отношусь к рассказам, воспоминаниям, нужно делать скидку на свойства памяти. Для того чтобы о чем-то рассказывать, приходится, конечно, очень много читать. Например, к передачам о Черчилле и де Голле я готовился по полгода... Об Александре Фадееве было нелегко рассказывать. И



Бессменный ведущий «Серебряного шара» Виталий Вульф. Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

не потому, что его жена, актриса МХАТа Ангелина Иосифовна Степанова, о нем не рассказывала. Она ни при ком о нем не говорила, потому все были удивле-

нная, трагичная жизнь, не все знали. А то, что у него был роман с Еленой Сергеевной Булгаковой, доселе широкой публике было неизвестно вообще.

Сегодня телевидение составляет суть моей жизни

ны, когда после ее смерти обнаружили записку с просьбой похоронить ее рядом с мужем. В каждой судьбе я пытаюсь открыть неизвестное. Ведь все знают, что Фадеев написал «Молодую гвардию» и «Разгром», но то, что у него была такая двойст-

– А как рождается выбор героя передачи? Только ли талант при его выборе играет для вас роль?

– Как-то я смотрел старый-старый фильм «Поезд идет на восток», его и сегодня можно увидеть. Этот фильм принес сла-

ву великолепно в нем сыгравшей Лидии Драновской. Однако он не понравился Сталину, его запретили, подвергли оглушительной критике. Драновскую перестали снимать, она исчезла с экрана, исчезло и ее имя. И только в 60-х годах ее фамилия появилась где-то в титрах. Я нашел ее телефон, мы встретились... Вот так и родилась, например, та передача, я сделал программу фактически об актрисе одного фильма. И неожиданно для всех она получилась рейтинговой, ее показывали несколько раз. И что для меня очень важно – после этой передачи на старости лет Драновская получила звание заслуженной артистки России. Меня интересует, когда в человеческой жизни есть какая-то

загадка, тайна, когда есть драматизм. Есть очень много современных талантливых актеров. И Елена Яковлева, и Константин Райкин, и многие другие, но есть ли у них судьба, вот это для себя еще не решил...

– Как вы относитесь к пародиям на самого себя?

– Я не всегда понимаю, почему их так много. И что во мне такого смешного, что все пытаются сделать пародию на меня? Правда, некоторые пародии бывают очень смешными. Мне кажется, Максиму Галкину это удается лучше всех, хотя раньше мне они не очень нравились. На съемках новогоднего вечера на ОРТ был такой момент. Я должен был выслушать пародию на себя в исполнении Шифрина. Шифрин поздравил всех моим голосом, а я ему потом и говорю: «А вы что-то еще умеете?» Он отвечает: «Петь». «Вы, однако, смелый человек, – говорю я. – Ну, спойте». И он что-то спел. Вот так не по сценарию родился абсолютный импровиз.

– Вы очень много путешествовали...

– Да, чрезмерно! Наверное, потому, что я очень поздно выехал за границу. Я как-то посчитал и сам удивился тому, что побывал в 39 странах. Я хорошо знаю Америку, Голландию, потому что там тоже преподавал, почти всю Голландию объездил, был в Бельгии, во многих других странах. Я очень хорошо, наверное, значительно лучше, чем Москву, знаю Париж – все закоулочки, как куда пройти. В Париже живут мои друзья. А знаете, чем парижане отличаются от москвичей? Прическами, тем, что там нельзя встретить непричесанного парижанина. Там миллион парикмахерских... Я готов подписаться под словами Маяковского – я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было другой земли – Москва. ■